

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики / под ред. А. А. Яковлева. М.: Московский общественный научный фонд; Автономная некоммерческая организация «Проекты для будущего: научные и образовательные технологии», 2010. — 190 с.

Книга «Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики» под редакцией А. А. Яковлева вышла в 2010 г. в широкоизвестной серии «Научные доклады: независимый экономический анализ». В работе приведены результаты двух исследовательских проектов «Место и роль российских ассоциаций бизнеса как института координации отношений предприятий с государством: опыт 2000-х годов» (реализован в январе — мае 2010 г.) и «Межфирменная кооперация, координация и взаимодействие с государством: анализ механизмов, используемых в российской практике, и их эффективности» (реализуется в 2010 г. в рамках Программы фундаментальных исследований ГУ—ВШЭ).

Книга состоит из четырех глав, а также приложений, в которые вошли результаты проведенных исследований. Текст работы доступен в электронном виде по адресу: <http://www.mpsf.org/files/books/nd1485.pdf>. В первой небольшой по объему главе «Введение: отправные точки, ключевые гипотезы и методология исследования» дается определение бизнес-ассоциации, а также формулируются гипотезы исследования. Цель работы — выявить роль и место бизнес-ассоциаций в российской экономике, их взаимодействия с предприятиями-членами и взаимоотношения с органами власти и управления. Также решались следующие задачи:

- оценить масштабы участия предприятий в бизнес-ассоциациях в России;
- выявить факторы, влияющие на членство фирм в ассоциациях;
- исследовать взаимоотношения предприятий с органами власти разных уровней;
- оценить качественные тенденции в развитии бизнес-ассоциаций;
- собрать и проанализировать данные из открытых источников о деятельности бизнес-ассоциаций и их связи с органами власти.

Первоначальную базу данных исследования составило обследование 1000 предприятий обрабатывающей промышленности, проведенного в 2009 г. Институтом анализа предприятий и рынков ВШЭ. Также с февраля по апрель 2010 г. были проведены 23 углубленных неформализованных интервью с руководителями бизнес-ассоциаций в четырех регионах России (Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской и Калужской областях).

В главе 2 «Сектор “работающих” бизнес-ассоциаций: данные качественного исследования» описывается современное состояние российских бизнес-ассоциаций, тенденций их развития в последние годы на основе серии углубленных неформализованных интервью с руководителями бизнес-ассоциаций. Выявлено широкое присутствие государства в секторе «работающих» бизнес-ассоциаций, а также лоббистские и коммерческие мотивы их создания (с. 21). К сожалению, не указывается вид деятельности, которым занимаются члены бизнес-ассоциаций. Понятно, что это сделано в целях обеспечения анонимности, но в результате, несмотря на большой объем проделанной авторами монографии работы, читатели не имеют возможности узнать положение дел в конкретных сферах деятельности ассоциаций (например, строительстве и пр.). Хотелось бы видеть

обобщающие характеристики бизнес-ассоциаций, относящиеся к видам деятельности их членов.

В то же время, несмотря на кажущуюся «зашифрованность» исследованных бизнес-ассоциаций, не представляет труда вычислить самых «именитых» из опрошенных бизнес-ассоциаций, а именно представителей «большой четверки» ведущих общероссийских предпринимательских объединений (РСПП, ТПП, ОПОРА, «Деловая Россия»). Так, БА-1 — это Российский союз промышленников и предпринимателей; БА-2 — Торгово-промышленная палата РФ; БА-3 — «ОПОРА». При опросах необходимо «защищать» анонимность респондентов так надежно, как обещается им перед проведением опроса. В данной книге определение названий некоторых других бизнес-ассоциаций, представители которых были опрошены в исследовании, также в принципе возможно.

В разделе «Структура управления и система принятия решений» (с. 36—39) описание дано с точки зрения опрошенных высших управленцев бизнес-ассоциаций и поэтому напоминает взгляд сквозь розовые очки. Оставлена без внимания борьба за власть, за лидерство в бизнес-ассоциациях. Только внимательное прочтение интервью указывает на это. Например, стоит выделить следующий фрагмент (с. 37):

«Раз в три года... общее собрание выбирает президента и правление. У всех по одному голосу. Никакой альтернативности нет, как правило, одна кандидатура вносится... И раньше так было. Обычно группа авторитетных членов союза вносит кандидатуру президента. Именно авторитетных. Заранее всем участникам рассылают».

Из него можно понять, что на самом деле система правления в ассоциациях очень напоминает известную в России вертикаль власти, она сугубо авторитарна. Борьба же за власть в ассоциациях ведется преимущественно «подковерная», что отвечает ее авторитарной природе, однако опрошенный состав экспертов изначально не мог адекватно ответить на этот вопрос. Для описания структуры и системы принятия решений авторам необходимо было анонимно опрашивать не только боссов, но и рядовых членов ассоциаций (провести дополнительный опрос), которые могли бы вскрыть реальное состояние дел.

В этой связи отметим, что для полноценного анализа российских бизнес-ассоциаций недостаточно того материала, которым оперируют авторы монографии, необходимо пользоваться и работами, авторы которых состоят или состояли в тех или иных ассоциациях и знают положение дел изнутри, а не опираются на «лакированные» интервью руководства ассоциаций¹.

Глава 3 «Масштабы и факторы участия промышленных предприятий в бизнес-ассоциациях: результаты эмпирического анализа» посвящена количественному анализу масштабов участия фирм в бизнес-ассоциациях в промышленности, а также факторов, влияющих на членство фирм в них. Рассматриваются и особенности взаимоотношений фирм — членов ассоциаций с властями разного уровня. В главе 4 «Заключение: основные результаты проекта, рекомендации для политики и направления дальнейших исследований» формулируются ос-

¹ Например, см. статьи про ассоциации: *Хандриков И.* Конец малого бизнеса. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.privatmed.ru/article/35/140/1021/>; *Вьюгин М.* «Папа перед увольнением поднял ему зарплату на 450 (!) процентов. Сейчас сынок подал в суд и требует “золотой парашют”...». 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pda.ura.ru/content/svrd/22-11-2011/articles/1036257340.html>; *Гришина Ю.* Окружению Примакова выразили недоверие. Один из создателей Торгово-промышленной палаты Валерий Бородин о ее судьбе накануне смены президента. 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2011-02-25/5_primakov.html; *Калашников В.* Палата на перепутье. 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2011-02-21/6_palata.html; *Гореславский А.* Кто в доме хозяин? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/686> и др.

новные результаты исследования, а также даются рекомендации, адресованные как представителям власти, так и представителям бизнес-ассоциаций.

Не вызывает сомнений познавательность и ценность помещенного в этих главах материала. Вместе с тем следует отметить, что некоторые выводы являются достаточно противоречивыми. Например, на с. 85 читаем: «*Таким образом, в целом, на основе предшествующих обследований мы можем утверждать, что с середины 2000-х годов в промышленности около 40% фирм являлись членами бизнес-ассоциаций*» (с. 85). Подобный вывод встречается и далее: «*Согласно результатам опросов 2003—2009 годов, в промышленности доля фирм, входящих в бизнес-ассоциации, близка к 40% и имеет некоторую тенденцию к росту*» (с. 113).

К сожалению, этот вывод является всего лишь результатом не совсем корректного, на наш взгляд, обращения с исходным материалом. Так, следует обратить внимание, что при рассмотрении данных о членстве в ассоциациях в 2009 г. были взяты данные опроса, проведенного авторами монографии. Ими подчеркивается, что «*в опросе акцент делался не на сверхкрупных и крупных предприятиях, а скорее на средних и крупных*» (с. 83). При этом «*предприятия с численностью занятых более 500 человек составляли 31% выборки*» (с. 83), а среднее число работающих на предприятиях, участвующих в опросе, составило 587 человек. Однако подобные данные не являются репрезентативными для российской промышленности, а следовательно, и утверждение, что около 40% всех промышленных организаций состоят в бизнес-ассоциациях, оказывается сомнительным.

Большой интерес, на наш взгляд, представляют приложения, которые занимают треть объема книги. Особо выделим приложения С и D («*Бизнес в совещательных структурах при органах исполнительной власти РФ*» и «*Взаимодействие бизнес-ассоциаций и исполнительных органов власти на примере Министерства сельского хозяйства и профильных союзов*»). Они информативны, насыщены полезными сведениями и могут послужить всем, кто интересуется проблемой бизнес-ассоциаций в России.

Отмеченные недостатки и наше несогласие с рядом выводов никак не умаляют ценность работы как источника уникальных сведений. Их сбор и обобщение позволили создать прекрасную базу данных, которой можно и нужно пользоваться любому, кто когда-либо обратится к изучению рассматриваемой в книге проблемы. В то же время читатель должен помнить, что представленная в книге позиция — это лишь один из возможных взглядов на состояние дел в рассматриваемой сфере. Для полноты картины необходимо не просто опираться на мнения заинтересованных инсайдеров, а исследовать весь спектр воззрений на ситуацию в российских бизнес-ассоциациях.

Я. Д. Ширяева,
канд. экон. наук,
Институт Хайека (Санкт-Петербург)

Patterson S. The Quants: How a Small Band of Maths Wizards Took over Wall Street and nearly Destroyed it. London: Random House Business books, 2010. — 248 p.

Название рецензируемой книги «Кванты: как небольшая банда математиков захватила Уолл-стрит и чуть не обрушила его» на первый взгляд напоминает голливудский сценарий. Впрочем, голливудские сценаристы скорее использовали бы вместо слова «математики» какое-нибудь иное — «инопланетяне», «русские» или «Аль-Каида». Скорее название выглядит нарочито элитарным: у читающей публики не может не возникнуть ассоциации с известным романом американского писателя Пинчона о всемирном заговоре почтальонов.

Тем не менее всё в названии — правда, несмотря на его кажущуюся провокативность. «Квантами» (*quants* — сокращение от *quantitative*, т. е. численный, количественный) на финансовом сленге называют прикладных математиков, занимающихся так называемым финансовым инжинирингом, т. е. моделированием финансовых рынков с целью спекуляции на них. Действительно, наиболее популярным объяснением мирового финансового кризиса в периодической печати ряда англосаксонских стран было и остается неадекватное использование математических моделей «яйцеголовыми» умниками, не сумевшими из-за своей жадности и недостаточных практических знаний правильно учесть особенности поведения финансовых рынков.

Наверное, нельзя сваливать вину за всемирный кризис на субъективные ошибки небольшой группы лиц — были и другие, намного более фундаментальные факторы, хотя просчеты в финансовом моделировании сыграли не последнюю роль в возникновении кризиса. (Автор рецензии относится к конкурирующей группе прикладных математиков, занимающихся финансовым моделированием, — актуариям, которые всегда выступали за более консервативный подход к применению моделей. Кризис подтвердил их правоту.)

В книге содержится много фактов, подтверждающих данную точку зрения. В частности, многие кванты были по образованию математиками, программистами, физиками и инженерами. Они могли строить отличные модели, но не всегда понимали объект моделирования, т. е. финансовые рынки. При этом, хотя книга и направлена на их разоблачение, тон описаний подобных фактов в книге зачастую сочувствующий, как это и должно быть в англосаксонской традиции: ведь они зарабатывали так много денег! Чего же с них еще требовать?!

Так, в книге рассказывается, что Ф. Блэк, соавтор знаменитой формулы цены опциона, долгое время работавший в американских инвестиционных банках, *никогда* не слушал курсов по экономике или финансам (по образованию он астрофизик). Апокрифическая история рассказывает, что в первый день его работы в инвестиционный банк Goldman Sachs, куда он, уже известный специалист в области оценки опционов, перешел из университета, главный трейдер по этому типу деривативов при знакомстве грубо заявил ему: «Вы ни фигя не знаете про опционы, мистер Блэк!» (на самом деле фраза была еще более грубой).

Другим поучительным примером служит одна из историй о группе К. Асснесса, одного из героев книги. В середине 90-х, придя в тот же Goldman Sachs, они получили первое задание — проанализировать страновые инвестиционные риски. Никто в группе ничего не знал про международную экономику, так что они применили чисто формальный финансовый подход, сопоставляющий совокупную настоящую стоимость ценных бумаг страны с бухгалтерской, игнорируя особенности экономики, финансов и политики. Сам Асснесс во время одного из совещаний в ответ на просьбу руководства не смог перечислить страны, входящие в индекс, на основе которого они давали рекомендации по торговле. Тем не менее какое-то время их рекомендации хорошо работали! Но нет сомнений, что при резкой смене тенденции такое отношение к объекту моделирования спровоцировало кризисные явления.

В этом смысле показанная в книге история развития науки и финансовых рынков в последние 20—30 лет довольно грустна: многие талантливые математики, физики и экономисты в США предпочли уйти из науки и заняться финансовыми спекуляциями. Как правило, они работали по специальности — занимались (и успешно!) моделированием. Идея состояла в том, чтобы использовать для прогнозирования финансовых рынков модели из разных областей: криптографии, распознавания речи, нелинейной динамики и т. п. Исключения (как Л. Баум, соавтор известного алгоритма Баума — Уелча, который отказался от занятий математикой и стал обычным трейдером) были редки. Но иногда это означало полную

смену области приложения усилий: например, Г. Лауфер, известный специалист по математическому моделированию «черных дыр», переключился на финансовые модели.

Но главное — они переставали печататься: выходцы из криптографических групп, нанятые для приложения своих методов к анализу финансовых рынков, принесли с собой параноидальную шпионофобию. Да и раскрывать секреты своих моделей, которые приносили умопомрачительный доход от спекуляций (20—40% годовых в среднем за несколько лет у квантов считалось нормой), было невыгодно. В результате некоторые модели несколько раз переоткрывались разными группами. Считается, что такая популярная стратегия, как статистический арбитраж, открывалась независимыми группами квантов в банке Morgan Stanley (не путать с JP Morgan!) по крайней мере дважды — в 80-х и 90-х гг. Конечно, кванты заработали много денег, но мировая наука от этого много потеряла.

Книга построена на истории нескольких квантов, которые привели свои организации (в качестве примера намеренно взяты разные типы институциональных спекулянтов) к значительным убыткам во время только что прошедшего (или все еще продолжающегося?) финансового кризиса. Все главные герои характеризовались верой в возможность применения математических моделей для обоснования спекуляций, эффективность финансовых рынков и рациональность инвесторов. Это основа современной финансовой теории, которую кризис поставил под сомнение.

Данная вера была заложена еще в 50—60-е гг. Эдом Торпом, известным игроком казино и финансовым спекулянтом. Согласно рецензируемой книге, именно он, а не теоретические исследования экономистов, специализирующихся на анализе финансовых рынков, создал традицию управляемых финансовых спекуляций на основе применения сложных математических моделей, которые и привели к взрывному росту рынка производных ценных бумаг.

Начал Торп с игры в казино, которые в середине XX в. не были готовы к применению клиентами математически обоснованных выигрышных стратегий (сейчас, например, во всех казино запрещают пользоваться ноутбуками и внимательно следят за использованием любых электронных приборов, включая прослушивание на всех частотах). Мало кто знает, что подробная стратегия игры в блек-джек опубликована полвека назад в одном из американских математических журналов, а также что были найдены определенные статистические закономерности в движении колеса рулетки. Апокрифическая история говорит, что Торп был настолько успешен в игре, что в одном из казино Лас-Вегаса его попытались банально отравить, подсыпав что-то в кофе. После лечения Торп переключился на финансовые рынки и больше никогда не приближался к казино. Он также стал талантливым биржевым игроком. В 2008 г., в разгар кризиса, уже будучи глубоким стариком, он организовал небольшую компанию для финансовых спекуляций на основе своей новой, секретной и, судя по всему, очень доходной стратегии, а потом велел себя заморозить, оценивая шансы на будущее воскрешение в 2%. Что будет, когда спящий проснется?

Торп не просто был успешным спекулянтом, он пропагандировал свой подход, публикуя книги, посвященные выигрышным стратегиям спекуляции. И будто бы именно эти книги (в частности, знаменитая «Переиграть дилера») подтолкнули многих исследователей заняться финансовым моделированием (кого-то в теории, а кого-то и на практике). В рецензируемой книге упоминаются и серьезные научные исследования в данной области, но они представлены чуть ли не как попытки развить подход Торпа.

В книге приводится много фактов относительно развития кризиса в 2007—2008 гг. Хотя изложение заканчивается описанием ближайших последствий бан-

кратства инвестиционных банков Bear Stearn и Lehman Brothers (первый был выкуплен JP Morgan Chase и тем самым спасен, второй — реально обанкрочен), книга дает достаточно полную картину краха — краха не только финансового, связанного с потерей миллиардов долларов, но и психологического, обусловленного утратой ориентиров и крушением представлений об окружающем мире. В этой связи показателен рассказ о допросе Алана Гринспена в октябре 2008 г. на Комиссии конгресса США, посвященной причинам кризиса. Бывший председатель ФРС, который тремя годами ранее заявлял, что успехи математических моделей в области финансового риск-менеджмента сделали невозможным финансовые кризисы в будущем, вынужден был признать, что современная (на тот момент) парадигма риск-менеджмента, основанная на деривативах, себя дискредитировала.

Еще более эффектно интеллектуальное и моральное фиаско показано на примерах нескольких квантов, о которых ведется рассказ. До кризиса они наполнялись гордостью и высокомерием, рассматривая себя как новых пророков, которым в закономерностях развития финансовых рынков открылась божественная истина. Но при этом им было мало известности среди профессионалов — они стремились к широкой народной любви. В частности, П. Мюллер, который принимал активное участие в развитии модели VARMA, а затем в создании очень успешной системы электронной торговли для банка Morgan Stanley, так жаждал признания, что, будучи очень богатым человеком (он мог позволить себе после рабочего дня спонтанно нанять самолет, чтобы слетать искупаться на Гавайи), играл в переходе метро слащавые песенки собственного сочинения и радовался брошенным монеткам, как признанию своего певческого и композиторского таланта.

Потом, после начала кризиса, у них наступил период постепенного и болезненного осознания неадекватности своих моделей и собственной неспособности противостоять убыткам. Потеря лица переживалась очень тяжело. Так, уже упоминавшийся К. Асснесс, строгий последователь идеи рациональности поведения на финансовых рынках, ученик Ю. Фамы, основатель AQR — одного из первых хедж-фондов, которые обосновывали свою стратегию торговли с помощью математических моделей, попросту разбил в ярости несколько компьютерных мониторов, наблюдая за падением котировок. Когда эти сведения просочились в прессу и Интернет, он не придумал ничего лучше, чем написать опровержение, в котором указал, что монитор падал со стола всего три раза, но экран при этом не разбивался. Вот и верь после этого в утверждения, что эмоции не влияют на экономическое поведение!

Книга заканчивается грозным предупреждением: подход, развиваемый квантами, не умер во время кризиса — он мутировал! Придуманы новые подходы (эволюционный, поведенческий и т. д.), которые хоть и преодолевают недостатки гипотезы эффективности рынков, но могут быть также неадекватными реальной действительности. Разрабатываются системы электронной торговли (трейдинговые роботы), способные реагировать на изменение котировок куда быстрее человека-спекулянта. Это увеличивает краткосрочную доходность, но усиливает риск возникновения биржевых кризисов. Фондовые биржи теперь зависят от «компьютеризированного Франкенштейна» (р. 127), но уже не могут без него обходиться.

Или проблема не в самих математических моделях, а в том, как мы их применяем?

А. А. Кудрявцев,
канд. экон. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет

Bortkiewicz L. von. Bevölkerungswesen. Leipzig-Berlin: B.G. Leubner-Verlag, 1919. — 112 s.

Книга «Учение о населении» («Bevölkerungswesen») была написана известным статистиком и экономистом Владиславом Иосифовичем Борткевичем (1863—1931)¹ специально для «Сборника научно-публицистических трудов “Естествознание и гуманитарные науки”» («Sammlung wissenschaftlich-gemeinverständlicher Darstellungen “Aus der Natur und Geisteswelt”») и составила 670-й том данного издания².

Эта работа, опубликованная в 1919 г., посвящена одной из самых насущных проблем Германии — проблеме уменьшения количества населения как следствия Первой мировой войны (1914—1918).

В предисловии к книге автор пояснил: «Учение о населении включает статистику населения, раскрывающую количественные закономерности демографических явлений и процессов, и государственную политику в отношении населения, которая призвана влиять на данные процессы и явления» («Bevölkerungslehre, welche das qualitative Bevölkerungswesen mit überantwortet wird, wird oft aus der Bevölkerungslehre die Bevölkerungspolitik als Inbegriff gesetzgeberischer Maßnahmen mit dem Ziele, auf die Größe der Bevölkerung einzuwirken bzw. einem Überfluß oder Mangel an Bevölkerung abzuwehren») (s. 4). Эта позиция автора обусловила структуру работы, которая состоит из двух частей: I. «Статистика населения» («Bevölkerungsstatistik») (s. 7—47) и II. «Политика населения» («Bevölkerungspolitik») (s. 48—112).

Первая часть книги содержит анализ данных, характеризующих статистику населения западноевропейских стран (Германия, Австрия, Финляндия, Сербия, Румыния, Болгария, Италия, Испания, Португалия, Швеция, Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Англия и Уэльс, Шотландия, Ирландия) периода 1861—1910 гг., представленных в трудах современных Борткевичу исследователей: Георга фон Мара (Georg von Mahr), Людвиг Эльфтера (Ludwig Elfter), Роберта Мальтуса (Robert Maltus), Густава Рюмелина (Gustav Rümelin), Адольфа Вагнера (Adolf Wagner), Зигфрида Будге (Siegfried Budge), Юлиуса Вольфа (Julius Wolf), Пауля Момберта (Paul Mombert), Карла Ольденберга (Karl Oldenberg), Отто Мофта (Otto Mofst), а также статистических исследований Императорской статистической службы Германии (Kaiserisches Statistisches Amt) и Государственного статистического ведомства Франции (Statistique générale de la France).

В. И. Борткевич рассматривает состав населения с точки зрения таких признаков, как возрастно-половая структура, состояние в браке, естественное и механическое движение населения. Результаты этого анализа представлены им в сводных таблицах:

¹ Владислав Иосифович Борткевич по происхождению поляк. Родился и получил образование в России, в Петербурге. По окончании Петербургского университета с 1895 по 1898 г. преподавал в качестве приват-доцента в Страсбургском университете. В 1899 г. вернулся в Петербург, читал лекции в Александровском лицее. В 1901 г. выехал в Германию, где до конца жизни работал в качестве профессора в Берлинском университете. В Германии известен как Ладислав фон Борткевич (Ladislaus von Bortkiewicz). Находясь за границей, В. И. Борткевич не разорвал связи с Россией, а «его влияние на стохастическую школу в России огромно» (Плошко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики: учеб. пособие. М., 1990. С. 121).

² В данном сборнике освещались достижения и проблемы в области науки, культуры и искусства. — Прим. авт.

- 1) «Количественное соотношение мужского и женского населения» («Das Zahlenverhältnis zwischen den beiden Geschlechtern») (s. 20);
- 2) «Возрастная структура населения» («Altersgliederung der Bevölkerung») (s. 22);
- 3) «Состояние в браке» («Gliederung der Bevölkerung nach dem Familienstand») (s. 25);
- 4) «Количество заключенных браков и количество рожденных» («Eheschließungsziffern und Geburtsziffern») (s. 28);
- 5) «Общая рождаемость и рождаемость в браке» («Allgemeine und eheliche Fruchtbarkeit der Bevölkerung») (s. 30);
- 6) «Показатели смертности» («Sterbeziffern») (s. 34);
- 7) «Показатели смертности в Германской империи в 1871—1881 гг. и 1901—1910 гг.» («Die Sterblichkeit im Deutschen Reich in der Zeit von 1871—1881 bis 1901—1910») (s. 40);
- 8) «Влияние миграции на состояние населения» («Wirkungen der Wanderungen auf die Bevölkerungsverhältnisse im Deutschen Reich») (s. 46—47).

На основании проведенного исследования Борткевич делает вывод, что начиная с последней четверти XIX в. для западноевропейских стран (за исключением Германии периода 1901—1910 гг.) характерно снижение рождаемости, практически аналогичное снижению смертности, и уменьшение количества населения. Поэтому Борткевич называет утопией распространенное в начале XX в. утверждение, согласно которому снижение показателей рождаемости может быть возмещено за счет снижения показателей смертности («Es ist daher reine Utopie, dass der Geburtenrückgang durch eine entsprechende Sterblichkeitsminderung wettgemacht werden könnte») (s. 97).

Исследование статистики населения Германской империи периода 1901—1910 гг. позволило автору также констатировать, что в предвоенный период в Германии наблюдалось именно относительное ежегодное увеличение превышения рождаемости над смертностью и, как следствие, рост численности населения. Росту численности населения в предвоенный период способствовали благоприятная возрастно-половая структура населения, высокая брачность и рождаемость. Исходя из этого Борткевич не питает иллюзий по поводу восстановления хотя бы довоенной численности населения Германии в краткосрочной перспективе. В качестве доказательства он приводит статистические данные Императорской статистической службы Германии (Kaiserisches Statistisches Amt), согласно которым людские потери в результате военных действий привели в том числе к преобладанию женского населения и, как следствие, к снижению брачности и рождаемости (s. 98—100).

Пессимизм Борткевича по поводу восстановления численности населения довоенного уровня и достижения превышения рождаемости над смертностью в краткосрочной перспективе подкрепляется неэффективными (с точки зрения автора) мерами, предпринятыми государством, рассмотрение и критика которых представлены во второй части книги.

Прежде всего это критика мер, направленных на реформирование системы налогообложения.

Так, предлагалось создать так называемые детские привилегии «Kinderprivilegs» (s. 101) путем предоставления льгот при исчислении подоходного налога для налогоплательщика, на иждивении которого находятся нетрудоспособные дети или иные члены семьи (исключая супругу). По мнению Борткевича, «подобная мера, с точки зрения налогоплательщика, это выравнивание увеличивающейся нагрузки хозяйственного бюджета посредством увеличения количества детей» («So bedeutet sie, vom Standpunkt des Steuerzahlers aus gesehen, einen Ausgleich für die Mehrbelastung des Haushaltbudgets durch eine grössere Kinderzahl») (s. 101).

В рамках налога на наследство вводилась статья «Обязательная часть государства» («Pflichtteil des Reiches»). Она предполагала передачу государству лицами, вступившими в наследство, 50% наследуемой доли ребенка, 25% которой предназначалось для обеспечения многодетных семей социальным жильем. Борткевич считал, что данную статью следует рассматривать «как возможность получения государством более высокого дохода, который только частично будет использоваться для осуществления социальной политики. В этом случае можно говорить о “частичном целевом налоге”, введение которого (как показывает практика) воспринимается гражданами без энтузиазма» («Als viel mehr dem Reich erhöhte Einnahmen zu verschaffen, die nur zum Teil im bevölkerungspolitischen Interesse verwenden sollen. Im gegebenen Fall hätte man es mit einer “partiellen Zwecksteuer” zu tun, und wie die Erfahrung lehrt, der Staatsbürger nicht gefügiger als anderen Steuer gegenüber») (s. 102).

В качестве нового налога планировалось введение так называемого холостяцкого налога («Junggesellensteuer») (s. 102), взимание которого, по мнению Борткевича, «на практике трудно осуществить, так как его обоснование касается скорее моральной сферы (речь идет о том, что женатый мужчина несет большой груз обязанностей и ответственности, связанных с содержанием семьи, воспитанием детей и т. д.). При этом как бы забывают о свободе выбора, гарантированной человеку при его рождении» («Die Schwirigkeiten, welche die Erfüllung dieser Forderung in der Praxis stoßen würde, liegen in der Hand... namentlich wegen der moralischen Verpflichtungen, obschon vergiesst man von der dem Menschen bei seiner Geburt garantierende Auswalfreiheit») (s. 102).

Борткевич подвергает критике также отдельные реформы, проводимые в рамках государственной политики населения:

а) «Реформа оплаты труда сотрудников государственных предприятий» («Reform der Beamtengehälter») (s. 103). Согласно реформе заработная плата государственного служащего напрямую зависела от его семейного положения и количества детей, находящихся у него на иждивении. Так, согласно нововведению, холостой мужчина станет получать 40%, а состоящий в браке, но бездетный — 60% суммы заработной платы сотрудника, имеющего семью и не менее пяти детей на иждивении. Борткевич считал, что введение такой реформы должно касаться не только работников, занятых на государственных предприятиях, но и служащих и рабочих всех частных предприятий. В противном случае холостые и бездетные трудящиеся уйдут с государственной службы, куда, в свою очередь, устремятся многодетные. Но даже при выполнении данного условия следует учитывать, «что именно многодетные отцы в случае высокого риска безработицы станут “самыми дорогостоящими”» («Gerade Kinderreiche Familienväter als die “teuersten” im erhöhten Grade der Gefahr der Arbeitslosigkeit aufgefasst werden») (s. 104);

б) «Реформа страхования материнства» («Mutterschaftsfürsorge») (s. 10) путем создания «детской ренты» («Kinderrente») (s. 105) после рождения в семье третьего ребенка. Расходы по созданию ренты планировалось переложить на холостых и малолетних мужчин, а также на работодателей посредством увеличения страховых сумм при страховании от несчастного случая и инвалидности. Борткевич считал, что очень сложно измерить величину этой ренты. Если при расчете данной величины ориентироваться на потребности родителей, тогда риск использования этих средств не по назначению становится очень высоким. Разумеется, чтобы контролировать использование этих средств, можно создать контролирующий орган, но не будет ли такой контроль рассматриваться как вмешательство органов страхования в частную жизнь? Кроме того, подобное толкование позволяет рассматривать ренту как пособие на содержание и воспи-

тание детей. В связи с этим возникает вопрос: а не лучше ли такое пособие получать в натуральном выражении? Например, при наличии двух детей в возрасте до 15 лет освобождать родителей от платы за обучение детей в школе и от оплаты учебных пособий. Ведь даже при распространении этих мер (сюда можно также включить и бесплатное питание в школе) на всех без исключения детей они пойдут на благо именно многодетным семьям. Но главное — «...при этом будет создано преимущество, заключающееся в том, что стоимость осуществления этих мер, без всякого сомнения, будет покрываться из общественных средств» («...und haben Vorteil, dass ihre Kosten unbedenklich ohne weiteres aus öffentlichen Mitteln bestritten werden können») (s. 105).

Заканчивая критику, автор предостерегает от принятия скоропалительных решений при осуществлении демографической политики, рассматриваемого им как «тонкий и важный инструмент, который следует применять, опираясь на учение о населении — статистику населения» («Ein feines, wichtiges Instrument, aber nur die einschlägige regelnde Tätigkeit des Staates mit im Rahmen der Bevölkerungslehre zur Sprache zu bringen») (s. 112).

Эта небольшая книжечка В. И. Боткевича необычайно актуальна для современной России. Она заставляет задуматься о возможном спектре мер демографической политики, не исчерпывающихся «материнским капиталом».

Т. В. Еременко,
канд. экон. наук,
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)

Статистика в Санкт-Петербургском университете / под ред. Я. В. Соколова, Д. А. Львовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. — 266 с.

Эта книга была издана в юбилейный для экономического факультета год — 70 лет со дня его создания в СПбГУ. Однако ее выход был приурочен еще к одному юбилею — 190-летию кафедры статистики, учета и аудита. В обращении к читателю авторы книги пишут, что она посвящена истории статистической науки в СПбГУ. Формально это так, поскольку речь идет об ученых, преподававших статистику и возглавлявших кафедру в Петербургском университете. Но по существу работа дает представление об истории всей российской статистической науки, ибо, как сказано во введении, «без Петербурга нет великой страны, без университета нет нашего города, без статистики нет университета» (с. 7). И действительно, то, что сотрудники кафедры сотворили за два прошлых века, уже давно вышло за пределы университета.

Историю науки создают люди. Разные по характеру, образованию, происхождению, профессиональному и жизненному опыту, они живут и действуют в разных обстоятельствах и в разные эпохи, но все они — наши предшественники и учителя. В этой идее воплощен основной замысел книги, которую можно считать проникновенной проповедью статистики через яркие и незаурядные человеческие судьбы. Многие эпизоды в книге изобилуют такой жизненной правдой, что их впору цитировать как исторические анекдоты. Но не только ради этого создавался данный труд. Авторы книги раскрывают суть и смену парадигм статистической науки, показывая утверждение описательной школы, развитие политико-экономического направления, возникновение экономической статистики, влияние финансовой науки на статистику и т. д.

Вообще говоря, книги, ярко и интересно повествующие об истории отечественной науки, о ее выдающихся личностях, встречаются крайне редко. «Стати-

стика в Санкт-Петербургском университете» — из их числа. Авторы не лакируют фигуры ученых, но акцентируют внимание на том, какие личности и как создавали нашу науку.

Отметим, что книга замечательно проиллюстрирована портретами и биографиями ученых, которые не просто дополняют текст, но образуют с ним единое целое. Имеются и справочные приложения, которые могут пригодиться читателю, например программы курса статистики, разработанные ведущими профессорами, именной и предметный указатели.

Рамки рецензии не позволяют подробно углубиться в стилистические достоинства книги. Отметим только, что эти достоинства — результат безукоризненного и высокопрофессионального владения словом редакторами книги, одним из которых был заведующий кафедрой статистики, учета и аудита СПбГУ, ныне покойный, — профессор Я. В. Соколов, возглавлявший коллектив авторов. По понятным причинам о нем самом в книге нет ни слова, что вызывает большое сожаление и пожелание дополнить переиздание книги главой «Новейшая история статистики в СПбГУ». Тем более что Я. В. Соколов возглавлял кафедру с 1998 по 2010 г., т. е. больше десяти лет. И хотя учеников у Я. В. Соколова немало, данная книга может привлечь в их число новые молодые силы, учитывая ее поистине магнетическое воздействие. В отечественной науковедческой литературе, пожалуй, не найти труд, эквивалентный рецензируемой книге. Несмотря на то что в ее подготовке участвовал большой коллектив авторов и использовались наработки ранее вышедшей книги на эту же тему — «История преподавания и развития статистики в Петербургском-Ленинградском университете (1819—1971)» (под ред. И. В. Сиповской, И. П. Сулова. Л., 1972), научным редакторам удалось достичь смыслового и стилистического единства текста. Читая эту книгу, погружаешься в мир научного поиска, сложных человеческих взаимоотношений, рассмотренных на фоне истории Петербургского (Ленинградского) университета.

Т. О. Терентьева,
канд. экон. наук,
Санкт-Петербургский
государственный университет